

XX ВЕК: ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, СУДЬБА

Наталья ГОРШКОВА

В Рыбинском музее-заповеднике хранится архив рыбинской художницы Марии Ивановны Камчаткиной (1897–1982), с уникальными автобиографическими материалами документального и художественного характера, в которых отражается не только жизнь автора, но события Рыбинска, нашего края, страны с начала XX века... Наперекор уготованной женской крестьянской доле ходить «за коровьим хвостом», Мария Ивановна получила учительское образование, предреволюционные годы провела в Петербурге в Свято-Владимирской учительской школе, в 1917 году работала машинисткой в Московском Кремле, училась в студии известного художника В.Н. Мешкова, в 20-е годы учительствовала в Арфинской волости и в начале тридцатых была у истоков организации Рыбинского отделения Союза художников.

Иногда события жизни могут напомнить о чём-то более раннем, словно незавершённом когда-то... Всё началось этим летом с поиска собственного участка земли и «домика в деревне». Ещё не подозревала о том, что это будет удивительное знакомство с малой родиной, где территория и ландшафт в каждом отдельном её уголке давали неповторимое ощущение места, его особенности. Виделся большой дом с историей, в красивом уединённом месте, подальше от городской суеты. Это желание привело на реку Ухру. Помнились прекрасные впечатления от этих мест в начале 2000-х во время работы над выставочным проектом «История жизни и судьбы» по материалам Марии Ивановны Камчаткиной. Ещё не подозревала о том, что буду вновь переживать «встречу» с удивительной женщиной...

Вначале был большой, крепкий дом в деревне Кузовлево, на родине Действительного статского советника, первой гильдии купца М.Е. Комарова (в Рыбинске на его деньги было построено механико-техническое училище, ныне – один из корпусов РГАТУ). Вспомнилось чуть позже, что там жила бабушка Марии Ивановны. Затем село Спас-на-Ухре... Тринадцать лет назад из-за плохой дороги мы не смогли добраться до этого села с сохранив-

шимися останками храма, где почти сто пятьдесят лет назад крестили маленького Васю Муравьёва – будущего преподобного Серафима Вырицкого, и где в церковно-приходской школе училась маленькая девочка Маша Шефова, впоследствии рыбинская художница Камчаткина. Далее путь лежал по узенькой извилистой тропинке, круто спускавшейся вниз. Небольшой бревенчатый мостик, под которым, со слов нашего провожатого, несколько лет назад зимовал медведь, по весне поднятый охотниками. Затем подвешенный мост через Ухру: до воды не менее десяти метров, поперечный дощатый настил, как живой, раскачивается и

скрипит, заставляя сердце от восторга и страха замирать при каждом шаге. Где-то ниже – перекат, мы ещё подойдём к нему с другого берега Ухры. По тропинке, но уже вверх, выходим к деревне Черёмушки. Каково же было моё удивление, когда наш проводник сообщил, что раньше она называлась Кобылино! О барской усадьбе, о последних владельцах сохранились яркие воспоминания талантливой свидетельницы. Когда-то здесь кипела жизнь: и до революции, и в начале 1920-х. Прошло сто лет. Увиденные места словно позабыты людьми: чистая природа с первозданной тишиной и остатками былого величия в развалинах усадьбы, запущенных липовых аллеях, разросшихся акациях, высокий берег быстрой реки, и нет привычной связи с миром... В памяти начали оживать страницы когда-то прочитанного с ощущением истоков места.

...Имя Марии Ивановны Камчаткиной известно в основном на Ярославской земле. Картины художницы хранятся, главным образом, в Рыбинском музее. Её судьба была нелегка, хотя внешне обыкновенна, насколько можно считать обыкновенною жизнь человека, на долю которого выпали испытания XX века. Жизнь женщины в искусстве сложна. Тем более в провинции, где особенно сильна «патри-

Наталья ГОРШКОВА

родилась в Рыбинске. Окончила историко-филологический факультет Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского. Работает в Рыбинском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. Область интересов – проектная, выставочная деятельность. На протяжении многих лет занималась изучением творчества художников Рыбинска.

архальная идеология второсортности». На протяжении всей творческой деятельности (а это без малого пятьдесят лет!) Камчаткина была практически единственной женщиной-художником в Рыбинске, членом Союза художников СССР.

Она работала в различных жанрах, но предпочтение всё же отдавала натюрморту, портрету. «Счастье – прочитать хорошую книгу. А человек – не богатейшая ли книга? Как же не

желать познакомиться, понять, пережить заодно самые глубины души? Довелось мне в жизни встретить много хороших людей, по-чеховски красивых...» – запись из её дневника. Художник создал портретную галерею земляков, некоторые из них хранятся в Рыбинском музее-заповеднике (всего в музее около тридцати живописных и графических работ). До войны, работая в художественной мастерской, Мария Ивановна, в основном, писала по заказу: различные панно для учреждений, портреты членов Правительства, передовиков производства. Она не могла позволить себе роскошь – писать то, что хочется. Потому как одна растила троих детей. А в мастерской коллеги-мужчины всегда давали ей самые трудоёмкие и низкооплачиваемые заказы. Только позднее, когда художнице было далеко за пятьдесят, она вплотную занялась портретом. Натуру всегда выбирала сама, тех людей, кого знала и уважала, с кем связывала её жизнь. Практически о каждой работе сохранилась история её написания. Так появились «Портрет М.А. Рапова», автора исторических романов «Зори над Русью» и «Зимогоры», «Н.И. Павлова – руководителя струнного оркестра народных инструментов» и другие. Всю свою жизнь Мария Ивановна сетовала на недостаток профессионального образования, очень критично оценивала свои работы: «...мало мастерства, нет глубокого содержания, а всё стремлюсь на выставки – да здравствуют художницы-женщины! Ведь вся-то жизнь моя – борьба за достоинство женщины против дискриминации. А, думаешь, мало было её, самой грубой дискриминации в мастерской!».

В конце прошлого века в наш музей поступили материалы Михаила Емельяновича Удалеева (1905–1995), художника, коллекционера, нашего

земляка, близкого друга Камчаткиной. Наиболее интересная часть его наследия – архив художницы: документы, дневники, личные фотографии, переписка с ним, рисунки, живопись. Отдельно можно выделить фольклорные и этнографические записи, сделанные Камчаткиной в 1920–1960-х годах: тексты народных песен, обряды празднования Масленицы, святки, тексты колядок, описания празднования Рождества, Пасхи, полный свадебный обряд, записанный в родной деревне Высоково Рыбинского уезда в 1919 году. В 1963 году художница отправила часть материалов в Ленинград, в Институт русской литературы Академии Наук СССР, и кандидат филологических наук Л.В. Домановский высказал большой интерес по поводу них в письме к Марии Ивановне: «Оценивая Ваше собрание, мне многое представляется интересным. Очерки Ваши живы, деревенские типы удачно схвачены. Невольно возникает желание посоветовать Вам продолжать начатую работу».

Уникальна часть архива, связанная с педагогической деятельностью 1920-х годов в школах Арефинской волости: «Анкеты дошкольных навыков детей» (1926), конспекты программы ГУСа (1924), рукописный букварь «Словечко» Порфирия Мироносицкого (1919), сценарий детской пьесы, дневники «Наблюдай, учитель!». По материалам можно судить о постановке школьного образования сразу после революции, где «от первого лица» без позднейших корректировок – переживания, наблюдения, школьные «радости и напасти».

Большую часть архива занимают автобиографические материалы. Это прежде всего дневники 1917–1970-х годов. В них запечатлены не только события личной жизни, но и то, что мы называем «историей ментальностей»: умонастроения, неявные установки мыслей, ценностные ориентиры – различные фрагменты, зарисовки событий и бытовых ситуаций, отражающих дух времени. Автор не пытается переписать существующую историю заново, не претендует на роль объективного свидетеля, но подчас ярко, образно иллюстрирует и дополняет некоторые её моменты, делая акцент на бытовой стороне жизни, на взаимоотношениях между людьми и их отношении к происходящим событиям. Например, записи времён Гражданской войны, когда во многих семьях – голод и запустение и особенно страдают дети,

«За что же дедка Настеньку-двухлетку бьёт?

– А она есть просит. Как дедушка спит на печи, а она заревёт – хлеба просит. Он слезет с печки-то да и даст ей разочек, а потом рот заткнёт хлебной

коркой. И мама с папой ругаются.
 – Из-за чего же?
 – Да мама говорит: ты за табак платишь полтинник, а гребня не купишь – вши всех заели.
 – И клопы, чай, есть?
 – Ой, много! У Ваньки все руки в шишках».

Эти зарисовки – на фоне новых песен, частушек:

«Знаем, знаем коммунистов,
 Знаем мы большевиков.
 Они ходят по деревням,
 Обирают мужиков.

Троцкий Ленину сказал:
 Пойдём Ленин на базар.
 Купим лошадь карию –
 Накормим пролетарию».

Её наблюдения легли в основу рукописи «Книга моей жизни». Воспоминания писались на протяжении двадцати лет (с начала 1960-х). Возможно, идею написания подсказал М.Е. Удалеев: «Если бы у тебя было время и желание, я очень бы просил тебя взяться за перо. У меня есть

Урок живописи
 в Петербургской
 Свято-Владимирской
 школе.
 Фото нач.
 XX века

М.И. Камчаткина
 Портрет
 машиниста
 Сальникова.
 Х.м.,
 1959 г.

М.И. Камчаткина.
Портрет М.А. Рапова.
Х.м., 1960-е гг.

уверенность в том, что ты могла бы написать прекрасную автобиографическую повесть. У тебя колоссальный жизненный опыт богато одаренной и много испытавшей советской женщины-художника...».

«Книга моей жизни», содержание которой укладывается приблизительно в 140 машинописных листов авторского текста, охватывает период с начала века и до тридцатых годов. Частично рукопись была опубликована в начале 2000-х на страницах газеты «Рыбинские известия» и вызвала живой интерес у читателя. Главный редактор (в то время – А.В. Романова) писала: «Одна глава из этой книги может дать человеку больше, чем целый учебник истории». В наследии автора немало рукописных материалов более позднего времени. И всё-таки, хочется «пробежаться» по некоторым страницам рукописи, потому как судьба этого человека – целая эпоха, неразрывно связана со страной и написана живым, образным языком, погружающим в атмосферу далёких событий...

Начинается «Книга» так: «Я не помню, чтобы кто-либо в нашей деревне мог подробно рассказать о своих давних предках. Работать, пока сила есть, известен, пока жив».

И далее история о прадеде, сосланном в Сибирь за непослушание барину; о бабушке, взвалившей на себя «большую обузу – вести хозяйство»; матери, росшей самой старшей из одиннадцати детей и потому не имевшей детства. По женской линии, словно какая-то кармическая определённости судьбы – практически все заботы и хлопоты лежали на плечах женщин.

«Тяжело было молодой женщине, одиноко до предела. Упрёки и злые слёзы матери, отчуждённо-любопытные взгляды братишек искося... Солнце вышло роскошное, ласковое, но ей

оно не светило и не согревало. Когда боли стали пересиливать терпение, забрав припасённые ранее тряпицы, ушла в сарай. Чаше в этот день позвякивали колечки калиток, оживлённое лица баб. Где шепоток, где смешок...

А всего только и произошло – девочка родилась, девочка в сорочке. Её ещё не мучает яд вопроса: законная она или нет. Ничего, всё успокоится в заботах и делах. Маленькое существо потребует много внимания. Маленькое существо примирит со многим.

На другой день стали мыть её. Собрали печь: послали яровой соломы, поставили в золу таз с водой. Влезла соседка, подали ей ребёнка. Моет, поговаривает: «Скорби болезни на мхи, на болота, во тёмные леса, на сухие деревья». Потом подняла девочку на ладонях кверху и давай в жарком воздухе подкидывать да приговаривать. Немного спустя всё лицо ребёнка воспалилось, глаза пропали и опухли. Боялись – выживет ли, а ещё хуже – ослепнет! Да видно на роду не было написано умереть. Не скоро, но прошло».

Так начинается жизнь маленького человека. Она неумолимо вписывается в крестьянский жизненный уклад, где на протяжении всей человеческой судьбы один и тот же «годовой спектакль, в котором главные действующие лица – природа и труд». Четыре времени года, начало – весна – заботы и работы вперемишку с христианскими праздниками: «праздники как вехи – показатели хода работ».

Дальше рисуется образ радостного и одновременно спокойного времени: «Кажется, шесть лет я стала проситься в школу. Читать я умела, писала большие письма крёстному. Но я была слабенькая, а до школы зимой было около трёх вёрст. Пошла через несколько лет. ...Я часто слышала, что учиться могут только дети попов, купцов, дворян. Крестьянам уготована другая дорога – трудиться, как отцы и деды, да голову пониже держать. Особенно о девочках – что и заботиться? Ну, пусть поучатся годик, чтобы могла мужу письмо в армию написать. За коровьим хвостом ходить невелика нужна грамота. Сколько раз я сама с собой горевала: зачем родилась девочкой? Женщине ведь многое заказано. А почему? Я же видела, насколько некоторые наши мужики тупее, бестолковее моей бабушки. В работе моя мать любого мужика, как говорили, за пояс заткнёт. ...Крестьянам нельзя много учиться. А как же Ломоносов? И в те дальние времена? Что-то тут не так. И вот в какой-то статье я вычитала, что после освобождения крестьян, был издан закон, по которому им давалось право учиться дальше. С тех пор уже никто не мог меня убедить в обратном...».

Замечательна глава, посвящённая второклассной школе в городе Данилове. В ней рассказывается о том, как было поставлено обучение, как готовили учительниц для церковно-приходских школ, как ученицы проводили свободное время, каков был их быт.

Автор ярко рисует жизнь и в Петербургской Свято-Владимирской церковно-учительской школе при Воскресенском Новодевичьем монастыре. Она была открыта при содействии обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, который до конца своей жизни принимал активное участие в её деятельности. И вновь, словно небесные параллели отразятся в судьбе двух земляков: в то время, ещё будучи богатым предпринимателем, будущий великий старец преп. Серафим Вирцицкий являлся благодетелем этого монастыря, там же, чуть позднее, примет монашеский постриг его супруга... Здесь окончательно сформировался интерес юной девушки к музыке и рисованию, и её успехи были оценены преподавателем, известным художником исторического и бытового жанров, академиком живописи Александром Никаноровичем Новоскольцевым. Подробно описывается посещение выставок, проведение праздников, предреволюционные события между февралём и октябрём. Годы радости и успеха, мечты о бескорыстном служении народу.

В 1917 году школу в Петербурге расформировали, но так не хотелось возвращаться в деревню! Будущее рисовалось в столице. Тем более из Москвы от родственников пришло письмо: «Приезжай, есть работа». И вот вновь огромный город, где вершится эпохальная страница истории.

«Я должна работать переписчицей в Московском окружном суде, размещившемся в Кремле. Ходила на службу в четверг, пятницу, субботу. Заработок 5 рублей слишком (кереженками)». Но это длилось недолго – простояла в очереди за чаем, и суд взяли большевики. Какое-то время без работы, затем – машинистка в «Бюро партии народных социалистов» (эсеров). После работы – учёба в художественной студии В.Н. Мешкова.

...Однажды В.Н. отозвал меня и сказал: «Мы, несколько художников, хотим устроить экспертизу для желающих. Я уверен, что Вы выдержите экзамен на учительницу рисования. Будете работать и учиться». Сердце моё радовалось, а силы падали без жиров, без сахара и даже без хлеба. Я, в сущности, жила за счёт организма, да и отдыха себе не давала. С 9 до 17 я машинистка, с 17 до 19 в студии, с 19 до 20 я ещё бегала два раза в неделю на курсы английского языка или

неслась в летний сад «Аквариум» на концерт по контрамарке или какую-то лекцию. Домой я редко приходила раньше двенадцати...».

И ещё один «московский» эпизод из книги, посвящённый празднованию 1 мая 1918 года, имеющий определённый подтекст:

«Я бродила по улицам. Услыхала, что будет демонстрация. Пошла по Набережной к Красной площади. Довольно много шло народу – не делового, неорганизованного. На Красной площади большое скопление людей, но оно всё-таки напоминало толпу. С кремлёвской стены во многих местах свисали донизу широкие красные полотнища. (Я тогда ещё не знала слово «оформление»). Вот стали сгруживаться люди в одном месте. А со стены человек в военной форме, наклоняется и, протягивая руки, заговорил энергично, громко, нажимая на последний слог слова «товарищи».

– Кто это?

– Крыленко.

После него довольно долго го-

ворил Свердлов, более мягко, но горячо, убедительно. Содержание речей не удержалось в памяти. Народ постепенно рассеялся. Через несколько дней разговоры старух:

– Всё было тихо, спокойно. Вдруг

М.И. Камчаткина
 Розы. Х.м., 1955 г.

М.И. Камчаткина
 Песня слепого.
 Акварель, карандаш, белила,
 1935 г.

откуда ни возьмись вихрь, да на эту красную полоску, да как начал ее свивать снизу прямо в трубку. Это ли не чудо? Словно руками.

А другая старуха по-иному узрела:

– Понавесили, понавесили красного-то. А угодно ли это Господу? Он знамение и показал. Ка-ак подхватит, да ка-ак рванет неведомая сила! На мелкие кусочки разорвала полосу! Вот какой знак дал!».

Тяжёлая болезнь не позволила остаться в Москве. И вновь деревня, но уже послереволюционная. Смутное время докатилось и до родного Высокова Рыбинского уезда:

«Вести шли отовсюду и интересовали всех. Правда, часто доходили искажёнными, и не все хорошо разбирались в новостях. Но покоя в мыслях не было.

Моя бабушка, конечно, тоже была включена в общую цепь. А как же иначе? Жизнь давала толчки.

Воры влезли в горницу – унесли муки, продукты. Воров нашли, но суд помиловал – дескать, голодная семья, а тётка Клавдия выдержит этот изъяз. Как смириться-то? Ведь хлеб в поте лица добыт, а распорядиться не смей, с воров не спрашивай. Паша в «бедноте» состоит, а почему? Ведь у него сила лошадиная. Что же он бабьему хозяйству позавидовал?»

А на улице – религиозные диспуты, разговоры о войне, о реквизиции хлеба, о выборах.

Новое время брало своё. Наша героиня Рыбинским гороно была назначена учительницей рисования в Арфинской волости:

«Это было кипучее время. Всем хотелось больше узнать, больше уметь, поскорее развязаться со старой убогой жизнью. Молодёжь стремилась брать как можно большие темпы для завоевания новой жизни. Ещё непонятно, какая она может быть, но, конечно, хорошая. Школа – центр, вокруг которого кипела огромная работа и никогда не пустовала. Только уйдут дети-ученики, приходят на учебу взрослые, затем, кто на репетицию драмкружка, кто на собрание, а кто просто «на народ».

...В первые годы революции учителя работали почти даром. Деньги «падали» буквально каждый день. Но даже и этих денег не было для регулярной выдачи зарплаты. Однажды выдали зарплату «натурой»: крошечную баночку самоварной мази, тюбик фиксатуру, четыре листочка наждачной бумаги». Описываются различные «перегибы» и казусы. Например, среди

задаваемых вопросов учительской экспертизы в Рыбинске был и такой: «Когда появилась лысина у Карла Маркса?».

Жизнь менялась не только в стенах школы, но и за её пределами: проводили радио на селе, шла организация сельхозартелей и одновременно раскулачивание. Процветало и воровство в новых общественных образованиях – колхозах:

«Доярки подвязывали кувшинчик с молоком под платье между ног, а в соседней деревне шили длинные карманы для зерна. Друг дружку не выдавали».

И вот уже начало тридцатых. Неудачное замужество. В семье четверо детей, одного уже нет в живых. Каждому ребёнку – особое внимание. О каждом – свой дневник, который ведёт мать, наблюдая за его развитием. Детские тетради, рисунки – всё бережно собирается и хранится. Из-за семейных обстоятельств пришлось переехать в Рыбинск. Начало работы в изо-бригаде РАТАП, а затем в Союзе художников.

«Наверное, я производила впечатление человека робкого, замкнутого. Я могла смотреть, слушать, работать. Не могла шутить, смеяться, вести интересный разговор. Это отчасти в моей натуре, но в сильной степени ещё давила душу недавняя утрата дочери... Художники этого не знали. По-видимому, они не отказывали мне в способностях, но не видели во мне милой, симпатичной женственности. Нередко заводили разговоры (как будто для меня) о том, какой должна быть женщина. В общем-то, выходило, что женщина живёт ради удовлетворения мужских прихотей, для их забавы. Здесь, среди художников, мне нужно было вновь и вновь бороться за право женщины заниматься искусством... Жить было трудно. Детям – голодно. Продукты не по деньгам. Часто забегала домой за кувшинчиком и шла в столовую взять две порции супа. Ели втроем – я и мальчики. Приходилось больше делать вид, что я ем. Мальчишки ведь были тоже голодны».

В воспоминаниях отражена неизвестная ранее страница истории Рыбинского филиала Ярославской организации Союза художников СССР: в 1937 году большая часть членов была репрессирована.

Война обостряет и без того тяжёлое положение семьи художника. Вынужденная эвакуация в Солигалич Костромской области. Вдалеке от линии фронта всевозможные слухи, суеверия:

«Какой-то старик сказал, что когда война началась, тогда и кончится. ...Говорят, что где-то гадали по блю-

дечку, вызвали Ленина и спросили, кто победит. Ленин сказал, что русским не победить, Россия продана... Говорят, что в какое-то ближнее число будет где-то большое собрание и чего-то важное решится, и Америка потребует, чтобы в России открыли опять церкви.

Гадают цыганка – ей не жалеют ни хлеба, ни мяса, а городской или эвакуированной женщине за мануфактуру стараются ввалить плохой ржи фунта три за метр...».

...Одно из последних писем: «В праздники одна. ...Всю жизнь одна со своими думами. С высоты семи десятков лет пробую оглядеть свою жизнь, оценить её. Вижу только: была в деревне неплохая девчонка. Вокруг хватало грубости, дикости... «Но грязь обстановки убогой» к ней не прививалась, а отталкивала. Пала в голову мечта об образовании. Кругом слышала: «затрут крестьянку поповны да купчихи», а думала: «А Ломоносов же выучился!» И когда пришло время, победила крестьянскую робость родных и шагнула на неизвестный путь. Годы учёныя – праздник жизни! Влечение в сторону искусств. Какой светлой казалось жизнь – и всё удавалось! Но война германская, война гражданская поломала многие планы и возможности. В борьбе не хватило физических сил. Сорвалась учёба в художественной студии, и главная линия сломана. Пополнение капитала кончилось. Потребовалась отдача. А отдавать-то было маловато и рановато. Надо было ещё идти вперёд, набирать и набирать, чтобы «стать с веком наравне». Чувствовать себя всё время только ученицей – это всё-таки довольно трагично. Маленькая девчонка была стойкой, боролась и побеждала, а взрослая девица подчинилась обстоятельствам, оказалась в чём-то мягче, в чём-то жалостливей, а в общем зауряднее. Выручали только остатки оптимизма, отпущенного природой. Как здорово сейчас я вижу, чего не достаёт в моих работах! Как скоро прошла жизнь! Как коротка она!»

Жизнь не прошла, потому как человек смог оставить так много после себя, и значит, это не конец, а продолжение жизни в памяти тех, кто остался.

...Всё так же, как и более десятка лет назад, с искренним интересом, сопереживая, удивляясь таланту и самобытности автора, читаю воспоминания, перелистываю дневники. А в душе теплится большое желание и надежда, что со временем труды Марии Ивановны найдут своего покровителя и будет издана её книга – «Книга моей жизни». •